

Костяные вставки
с изображениями
фигур ветхозаветных
пророков,
найденные
при раскопках
в Звенигородском
Кремле
Вторая
половина XV —
начало XVI вв.

ПОДМОСКОВНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Историко-краеведческий
альманах

4(62)2019

Наследие Московской Руси

2

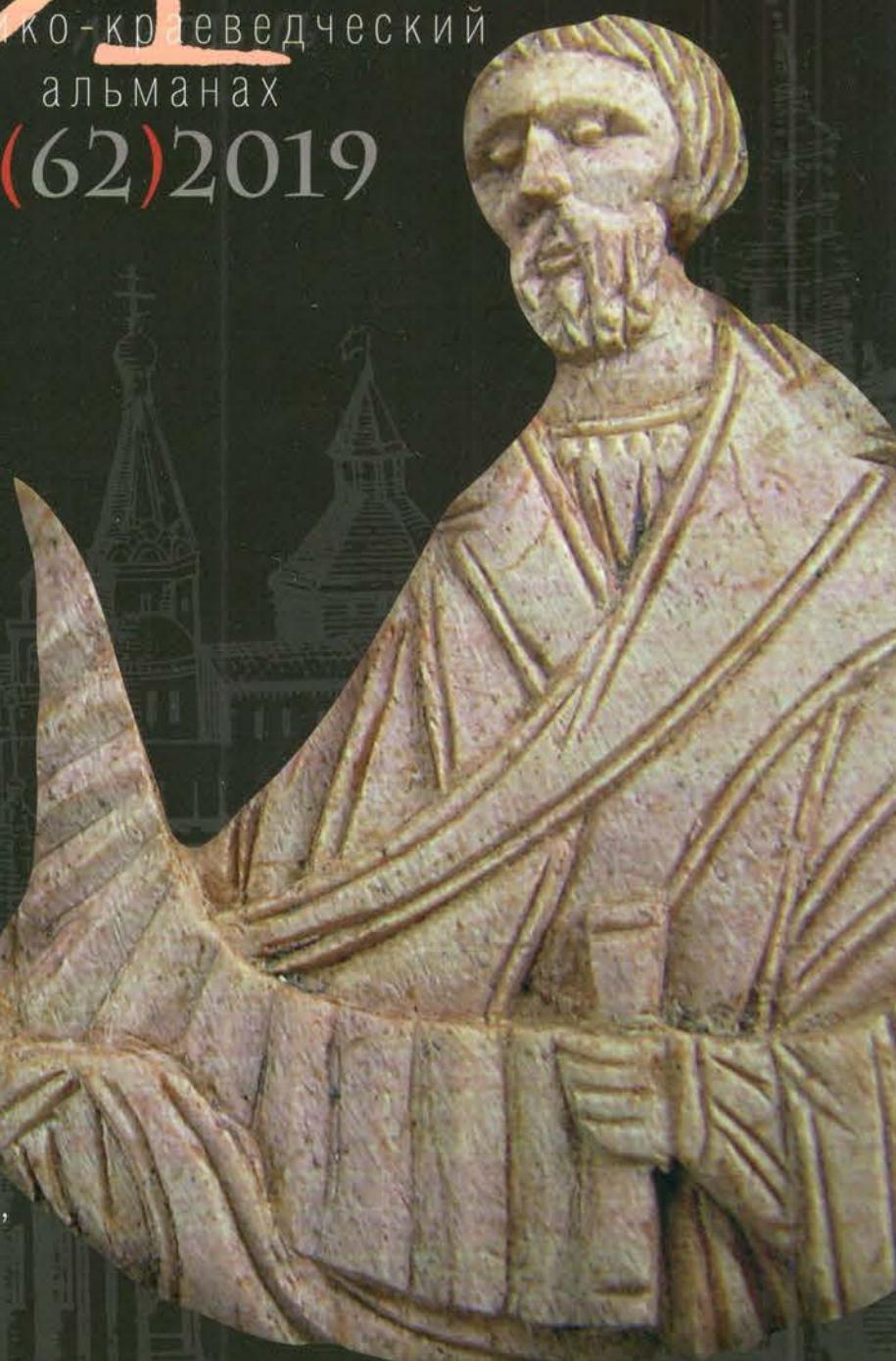
Сложение
государствен-
ности в Земле
вятичей

36

Злодейство
у священного
гроба

44

«А вы думаете,
нам, царям,
легко?»

K

Костяные пластины-вставки с изображениями пророков из раскопок на Звенигородском Городке

Успенский собор на Городке
в Звенигороде

Фотография З. Матвеевой

Алексей Алексеев

Звенигородский Успенский собор на Городке — не только единственная древняя постройка, сохранившаяся на территории Звенигородского городища — кремля средневекового города, но и самый старый из дошедших до наших дней памятников раннемосковской архитектуры. Построенный в конце 1390-х гг. князем Юрием Дмитриевичем (1374–1434), сейчас он является связующим звеном между лучшими произведениями владимирского белокаменного зодчества домонгольского времени и архитектурным наследием великооктябрьской Москвы конца XIV — первой половины XV веков.

К чрезвычайно интересным находкам, сделанным археологами у стен Успенского собора, следует отнести две миниатюрные костяные накладки с изображениями фигур ветхозаветных пророков. Они были обнаружены несколько лет назад в разных местах — одна из пластин происходит из раскопа, заложенного у южной стены Георгиевского придела, вторая была найдена в раскопе, разбитом у западного крыльца собора. Размеры накладки № 1: высота 27 мм, ширина 24 мм, толщина пластины 4 мм; накладки № 2: высота 29 мм, ширина 23 мм, толщина 4 мм. Фигуры святых поясные, с развёрнутыми свитками своих пророчеств в руках, даны в трёхчетвертном повороте¹.

Резьба выполнена талантливым мастером, достигшим уровня высочайшего профессионализма. Это был виртуозный резчик, добившийся точности

Костяные пластины-вставки с изображениями пророков из раскопок на Звенигородском Городке

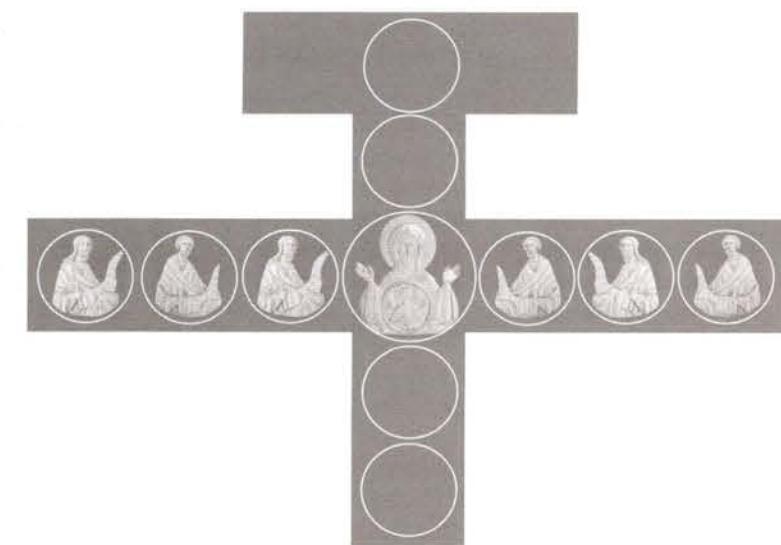
Костяные вставки с изображениями фигур ветхозаветных пророков, найденные при раскопках в Звенигородском Кремле
Вторая половина XV — начало XVI вв.

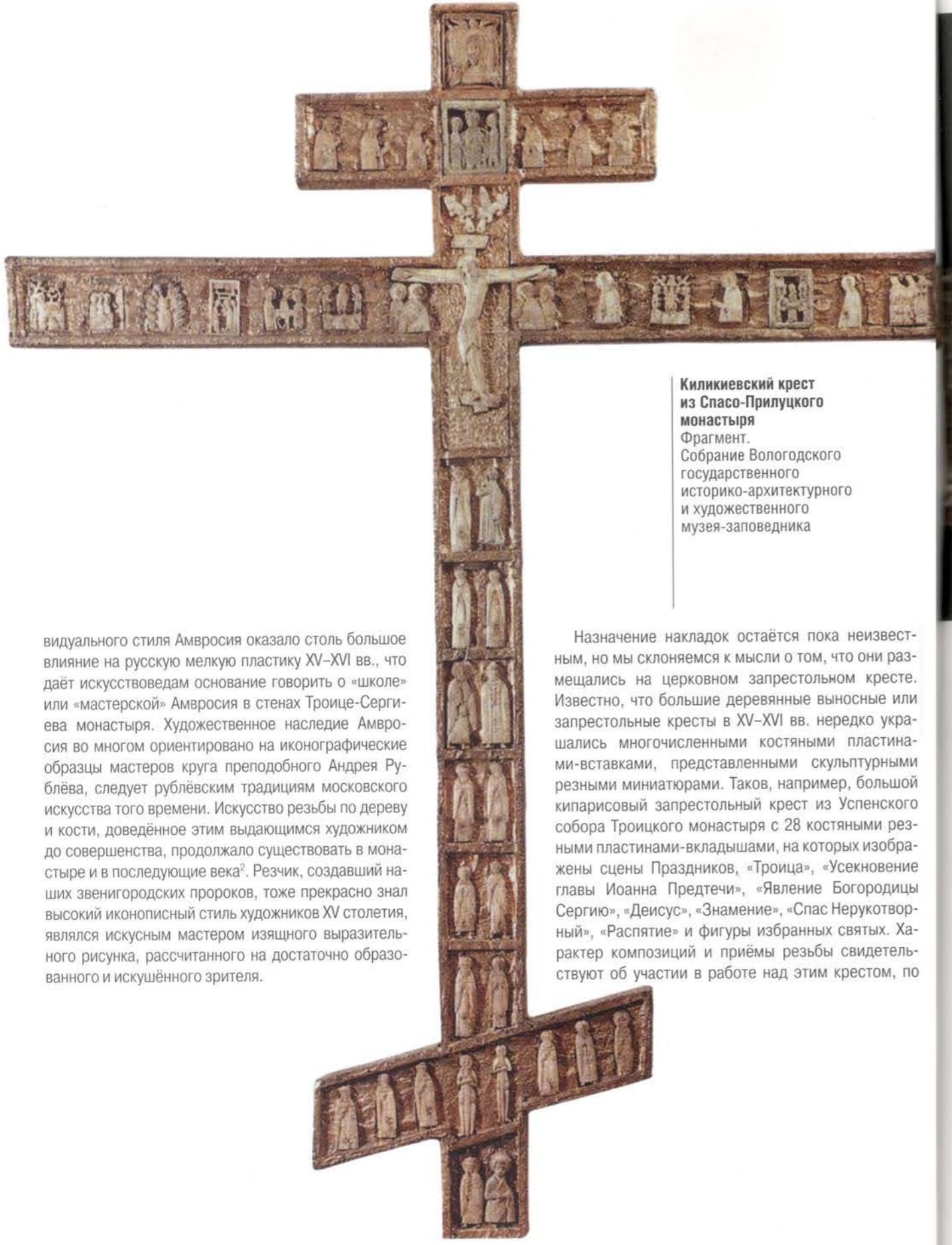
рисунка силуэтов изображений и тщательности исполнения мельчайших деталей. Фигурам присуща чёткость и выразительность форм, стройность пропорций, искусная моделировка складок одежд, ювелирная проработка черт правильных благообразных лиц. Заметно стремление мастера к индивидуальной трактовке и передаче образов пророков — разные прически, бороды, выражения лиц.

Данных для надёжной атрибуции звенигородских накладок у нас пока нет, но уже ясно, что перед нами отнюдь не образцы массового ремесла одного из провинциальных центров. Стилистические особенности и неоспоримые художественные достоинства резьбы вызывают определённые ассоциации с лучшими памятниками мелкой пластики работы мастеров Московской земли второй половины XV — начала XVI в. Всё говорит о том, что неизвестный нам автор, создавший эти чудом сохранившиеся в культурном слое и счастливо найденные в полной сохранности тонкие хрупкие костяные пластинки, близок традиции, восходящей к искусству резьбы знаменитого Амвросия.

Этот выдающийся мастер мелкой пластики, искусный ювелир и резчик, жил в Троице-Сергиевом монастыре во второй половине XV века и творил в одно время с Дионисием. Первое упоминание инонка Амвросия относится к 1456 г., когда для игумена Троицкого монастыря Василиана Рыло мастером была сделана подписная панагия-триптих, ныне хранящая-

ся в собрании Сергиево-Посадского художественного музея. В 1490 г. Амвросий упомянут в должностях казначея Троицкого монастыря. Скончался он, вероятно, около 1494 г. Искусство этого мастера по совершенству техники, выразительности и глубине содержания можно смело поставить в один ряд с творениями лучших иконописцев той эпохи. Его работы отличаются совершенством сложных многофигурных композиций, виртуозностью исполнения, гармоничным сочетанием миниатюрной резьбы по кости и дерева и ювелирного мастерства. Своеобразие инди-

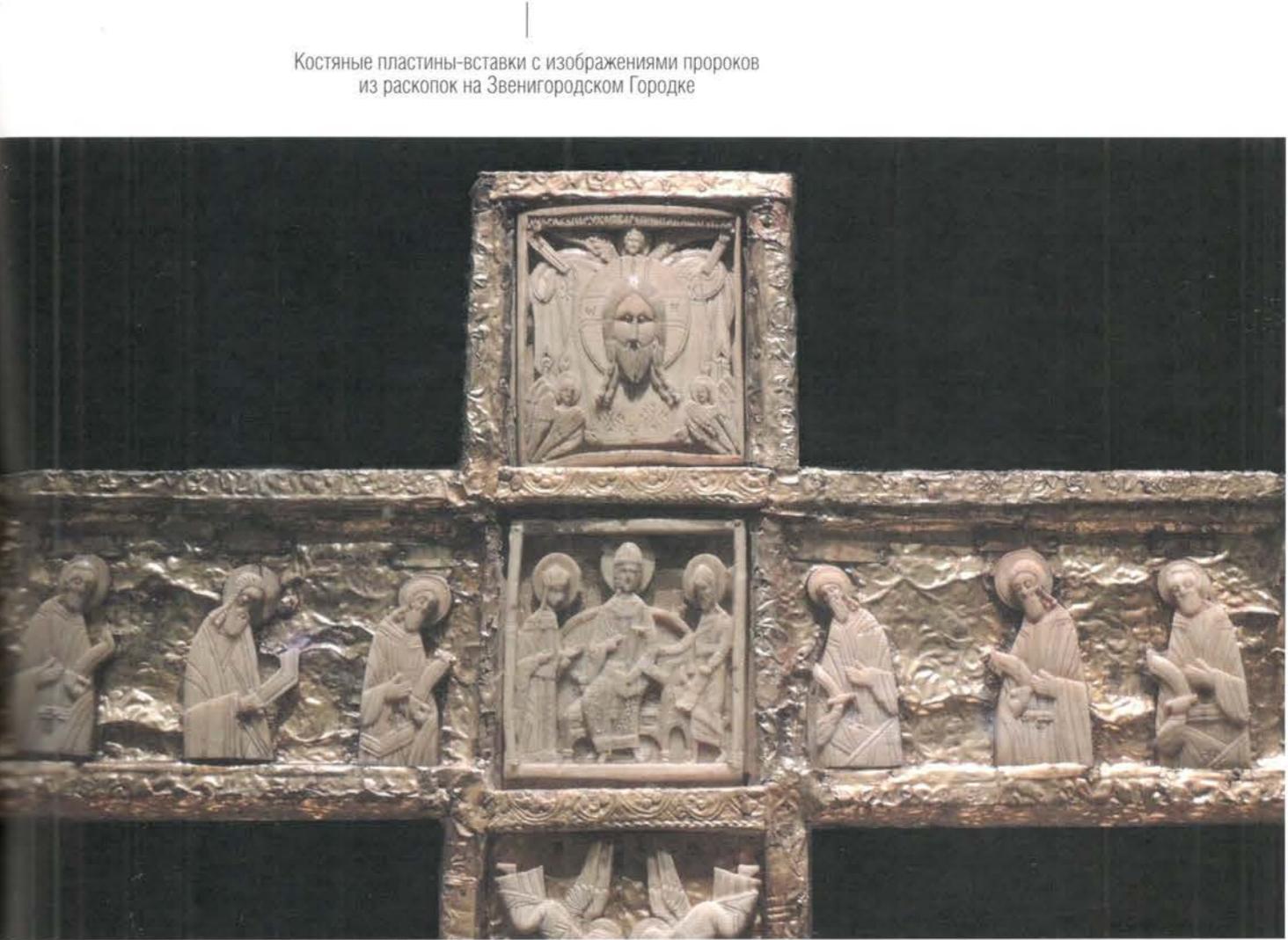

Киликиевский крест
из Спасо-Прилуцкого
монастыря.
Фрагмент.
Собрание Вологодского
государственного
историко-архитектурного
и художественного
музея-заповедника

видуального стиля Амвросия оказало столь большое влияние на русскую мелкую пластику XV–XVI вв., что даёт искусствоведам основание говорить о «школе» или «мастерской» Амвросия в стенах Троице-Сергиева монастыря. Художественное наследие Амвросия во многом ориентировано на иконографические образцы мастеров круга преподобного Андрея Рублёва, следует рублёвским традициям московского искусства того времени. Искусство резьбы по дереву и кости, доведённое этим выдающимся художником до совершенства, продолжало существовать в монастыре и в последующие века². Резчик, создавший наших звенигородских пророков, тоже прекрасно знал высокий иконописный стиль художников XV столетия, являлся искусным мастером изящного выразительного рисунка, рассчитанного на достаточно образованного и искушённого зрителя.

Назначение накладок остаётся пока неизвестным, но мы склоняемся к мысли о том, что они размещались на церковном запрестольном кресте. Известно, что большие деревянные выносные или запрестольные кресты в XV–XVI вв. нередко украшались многочисленными костяными пластинами-вставками, представленными скульптурными резными миниатюрами. Таков, например, большой кипарисовый запрестольный крест из Успенского собора Троицкого монастыря с 28 костяными резными пластинами-вкладышами, на которых изображены сцены Праздников, «Троица», «Усекновение главы Иоанна Предтечи», «Явление Богородицы Сергию», «Деисус», «Знамение», «Спас Нерукотворный», «Распятие» и фигуры избранных святых. Характер композиций и приёмы резьбы свидетельствуют об участии в работе над этим крестом, по

Киликиевский крест из Спасо-Прилуцкого
монастыря.
Фрагмент.
Собрание Вологодского государственного
историко-архитектурного и художественного
музея-заповедника

крайней мере, двух мастеров, одним из которых, вероятно, был сам Амвросий³.

Ещё один хорошо известный специалистам по мелкой пластике крупный запрестольный крест, хранящийся в настоящее время в Вологодском музее-заповеднике, имеет название Киликиевский (Киликийский). В отдельных ковчежцах-углублениях этого восьмиконечного деревянного креста помещено 84 вставки из белой кости с резными изображениями праздников и святых. Эти вставки выполнены в разное время. Некоторые из них не соответствуют размерам углублений. Вероятно, подлинные первоначальные пластинки со временем были утрачены и заменены новыми.

По легенде, крест был принесён в Вологду из Переяславля основателем Спасо-Прилуцкого монастыря преподобным Димитрием, сподвижником Сергия Радонежского. Название креста связывалось с древней Киликией (Малая Азия), откуда его могли доставить в Москву приезжавшие из Греции монахи. Однако исследование резных изображений на кресте привело искусствоведов к выводу, что стиль, в котором выполнен памятник, относится к первой трети или половине XVI в., и реликвия, возможно, является копией легендарного креста. Часть резных фигур Киликиевского креста выполнена под влиянием школы Дионисия — это «Распятие с предстоящими», «Предста Царица», «Спас Нерукотворный», «Борис и Глеб», «Константин и Елена», «Аpostол Павел» и др.⁴

Учитывая тот факт, что иконография памятников мелкой пластики XV–XVI вв. заимствована с хорошо разработанных образцов в иконописи, и резные миниатюры этого времени во многом следуют композиционным схемам иконостасов монастырских храмов, то можно попытаться найти место звенигородским пророкам на несохранившемся древнем выносном кресте из церкви Успения на Городке. Не исключено, что в оформлении оборотной стороны этого креста нашла повторение композиция рублёвского пророческого яруса иконостаса Троицкого собора — костяные вставки с изображениями пророков равномерно располагались по боковым ветвям креста⁵; в средокрестии размещалась резная иконная пластина — поясная «Богоматерь Знамение». Но фигуры библейских пророков могли бы принадлежать и к распространённой иконографической композиции «Похвала Богоматери». В мелкой пластике известна замечательная резная икона-складень в сканной оправе, происходящая из ризницы Благовещенского собора Московского Кремля⁶. На её лицевой стороне изображена сцена «Похвалы Богоматери», где сидящую на троне Богородицу и фигуру Христа Эмману-

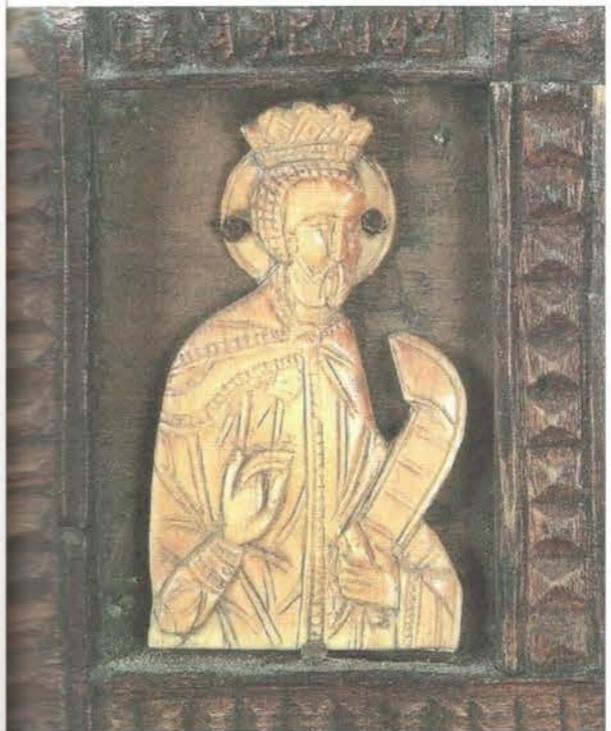
иля окружают двенадцать пророков, которые держат свитки с текстами своих пророчеств и атрибуты, символически указывающие на Богоматерь: «врата затворённые», «руно», «гору нерукосечную», «лествицу» и т. д. В основу подобных композиций был положен текст «Канона пророкам», приписываемого святому Герману Константинопольскому (VIII в.). Но едва ли даже на большом запрестольном кресте можно было разместить иллюстрацию гимна, посвящённого прославлению Девы Марии и таинству воплощения Христова, и приспособить сложную многосоставную

композицию «Похвала Богоматери» к поверхности креста. Это можно было сделать лишь на площади иконного ковчега. Поэтому первый вариант реконструкции иконографической схемы на оборотной стороне древнего звенигородского креста более предпочтителен.

Наконец, поиск стилевых и типологических аналогий звенигородским вставкам неизбежно приводит нас к ещё одному звучному памятнику — створке резной костяной панагии первой половины — середины XVI в., происходящей из Софии Новгородской.

Створка панагии из Софии Новгородской
Вологда, середина XVI в.
Собрание Новгородского государственного
объединённого музея-заповедника

Пророки Давид и Соломон с креста XVI в.

ростовского мастера Солмана
Собрание Ярославского государственного
историко-архитектурного и художественного
музея-заповедника

В центре створки помещена «Троица Ветхозаветная» в окружении 12 поясных фигур библейских пророков. Изображения пророков даны в трёхчетвертом повороте к центру и заключены в медальоны. Трактовка изображений пророков на этой чрезвычайно интересной для нас панагии весьма близка резным пластинкам с Городка (пропорции фигур, позы, типы лиц, разделка волос и складок одежд, однообразие свитков). Эти явные технико-стилистические совпадения указывают не только на единство эпохи, но и на один район происхождения этих образцов высокого искусства. Вероятнее всего, и панагия из Софии Новгородской, и накладки из Звенигорода были созданы в kostорезной мастерской одного из северных монастырей (Спасо-Каменный, Кирилло-Белозерский, Спасо-Прилуцкий?), где крепко держались и развивались древние художественные традиции, и существовала тесная связь со столичным регионом.

Таким образом, найденные при раскопках на Звенигородском Городке костяные пластины-вставки с изображениями пророков являются драгоценными произведениями высочайшего художественного уровня лучших мастеров мелкой пластики Московской Руси эпохи Дионисия. Они по праву заняли достойное место среди основных экспонатов Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея.

Примечания

¹ Обращает на себя внимание отсутствие нимбов вокруг голов пророков. Скорее всего, они были наложены из тонких металлических пластин.

² Балдин В.И., Манушина Т.Н. Троице-Сергиева лавра. Архитектурный ансамбль и художественные коллекции древнерусского искусства XIV–XVII вв. М., 1996. С. 411, 431.

³ Флоренский П.А., Олсуфьев Ю.А. Амвросий – троицкий резчик XV века. Сергиев. 1927. С. 16–18, 42–44.

⁴ Лазарев В.Н. Дионисий и его школа // История русского искусства. Т. III. М., 1955. С. 538–540.

⁵ Судя по нижнему краю фигур пророков, резные миниатюры были вставлены в круглые ячейки-ковчежцы диаметром ок. 32–34 мм.

⁶ Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. // Свод археологических источников. Вып. Е 1-49. М., 1971. С. 58–59; Табл. 28.

Алексей Викторович Алексеев, научный сотрудник
Института археологии РАН, научный сотрудник
Звенигородского историко-архитектурного
и художественного музея